

УДК 622.32(571.1)(09)

М.В. КОМГОРТ

ПЕРСПЕКТИВЫ НЕФТЕГАЗОНОСНОСТИ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ СИБИРИ В ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 1920–1940-х гг.

Тюменский государственный
нефтегазовый университет
e-mail: komgort@mail.ru

Статья посвящена анализу первых научных прогнозов нефтегазоносности северных районов Сибири и основных результатов геологоразведочных работ, проведенных в 1920–1940-е гг. Показана роль Главного управления Северного морского пути в организации поиска арктической нефти. Представлены выводы ученых-геологов о нефтяных перспективах региона и необходимости расширения географии поисково-разведочных работ.

Ключевые слова: арктические районы Сибири, Главсевморпуть, история поисков нефти и газа.

Арктические районы азиатской части России в течение долгого времени не представляли интереса для научного прогноза нефтегазоносности и практической организации поисково-разведочных работ. Это объясняется как объективными причинами (удаленностью, труднодоступностью, малонаселенностью), так и наличием серьезных сомнений в возможности и рентабельности добычи здесь жидких углеводородов. По мнению многих геологов, климатические условия региона не могли способствовать образованию органической массы, необходимой для возникновения нефтя-

ных залежей, а в случае их наличия вечная мерзлота препятствовала получению промышленных притоков нефти и создавала серьезные технико-технологические проблемы для организации ее добычи.

Задача интенсификации поиска сырьевых, в том числе топливно-энергетических, ресурсов была актуализирована начавшейся в стране индустриализацией и необходимостью выполнения первого пятилетнего плана. В условиях промышленного «рывка» важнейшим направлением энергетической политики государства стало создание новых топливных баз, в

том числе в восточных районах страны. Это, в свою очередь, требовало расширения географии поисково-разведочных работ. «Идеология советской индустриализации, – пишет М.М. Ефимкин, – справедливо учла и интегрировала в себе геополитические императивы, существенно изменившие конфигурацию территориально-хозяйственных приоритетов в пользу азиатской части России» [1, с. 71].

К началу 1930-х гг. сведения о потенциальной нефтеносности северных районов Сибири ограничивались только указанием А.Е. Фигурина (1823 г.) о наличии «горной смолы» в низовьях р. Оленёк (Якутия) и предположением И.П. Толмачева (1926 г.) о возможной связи с нефтью месторождения соли на берегу Хатангского залива в бухте Нордвик (Таймырский п-ов) [2, с. 9]. При этом первое указание не вызывало доверия по причинам «неясности места» и «ненадежности определения “горная смола”», а второе оценивалось как «эпизодическое» и «высказанное случайно», поскольку основывалось на результатах экспедиционных исследований Толмачева, завершившихся два десятилетия назад [2, с. 9, 11]. После революции ученый эмигрировал в США и в статье, опубликованной в 1926 г. в американском журнале, а год спустя в СССР, проводя аналогию между нефтяными месторождениями Техаса, приуроченными к соляным куполам, и куполом, обнаруженным им в ходе экспедиции на Таймыр, сделал вывод о возможной нефтеносности данного района Сибири. Публикация дала повод для обстоятельного изучения коллекции Толмачева в Академии наук, в ходе которого в привезенных ученым образцах известняка были обнаружены битуминозные породы, из которых удалось получить хорошую нефтяную вытяжку [3, с. 178].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. появились первые серьезные научные публикации, авторы которых обосновывали необходимость расширения ресурсной базы нефтяной промышленности страны, в том числе за счет восточных районов СССР. Поскольку геологического материала для определения конкретных направлений поиска было недостаточно, Сибирь также входила в число потенциально нефтеносных регионов, однако ее нефтяные перспективы рассматривались как «слишком общие и схематичные» [4, с. 796], подтверждение должно было стать делом будущего [5, с. 140].

Детализации прогнозов нефтеносности арктических районов Сибири способствовали начавшиеся в 1930-е гг. поисково-разведочные работы. Прямую заинтересованность в их активизации проявляло созданное в 1932 г. Главное управление Северного морского пути (ГУ СМП), рассчитывавшее на получение жидкого топлива в зоне его хозяйственных интересов для обеспечения успешного функционирования трассы. В 1934 г. постановлением СНК и ЦК ВКП(б) на ГУ СМП, кроме задачи обеспечения бесперебойного и безопасного плавания по трассе Северного морского пути, было возложено проведение изыскательских работ по поиску полезных ископаемых и последующая эксплуатация месторождений.

В 1933 г. Главсевморпуть направил первую комплексную нефтегазразведочную экспедицию в составе геологических, геофизического и бурового отрядов в

район бухты Нордвик. В задачи экспедиции входило геологическое изучение побережья залива Нордвик, о-ва Бегичева и детальная геологическая съемка п-ова Юрунг-Тумус. Начальником экспедиции был назначен Т.М. Емельянец. В ходе исследований удалось обнаружить значительные выходы жидкой нефти на п-ове Юрунг-Тумус, приуроченные, как и предполагал Толмачев, к указанному им соляному куполу. Высокая оценка территории Нордвик-Хатангского района послужила основой для создания первой на севере Средней Сибири постоянно действующей Нордвикской нефтегазразведочной экспедиции ГУ СМП [6, с. 151], которой на протяжении 1933–1951 гг. руководил Емельянец. Под его непосредственным руководством в этом районе были проведены геологосъемочные работы, маршрутные исследования и обработка материалов, полученных в ходе нефтепоисковых работ. Из восьми скважин на Нордвикском месторождении были получены тяжелая нефть и газ. Позже в этом районе были открыты Ильинское и Кожевниковское месторождения нефти, разбуривание которых осуществлялось Нордвикской экспедицией в 1941–1953 гг. [7, с. 32].

Таким образом, предположение Толмачева о наличии нефти на Таймыре подтвердилось. К сожалению, статус эмигранта не позволил включить его в число первооткрывателей нордвикской нефти, приоритет в определении перспектив нефтеносности п-ова Таймыр впоследствии стали связывать с именами других, не менее заслуженных ученых-геологов (Н.С. Шатского, Н.Н. Урванцева и Л.П. Смирнова).

Открытие нефти на Таймыре потребовало уточнения геологических границ новой нефтеносной области. По предположению ряда ученых, Хатангская впадина, в пределах которой находилось месторождение, могла простирается через весь полуостров до Енисея и Енисейского залива, а возможно, и далее. Принимая во внимание важность Енисейского транспортного узла для трассы Северного морского пути, в 1934 г. ГУ СМП направило для оценки перспектив нефтеносности низовьев Енисея экспедицию под руководством Н.А. Гедройца. При проведении маршрутных геологических исследований в нижнем течении Енисея, недалеко от устья р. Малая Хета, экспедиция обнаружила обильные выходы на поверхность горючих газов с примесью тяжелых углеводородов и озера с минерализованными водами. По рекомендации Гедройца в 1936 г. Нефтяной геологоразведочный институт начал в районе Усть-Енисейского порта геофизические, научно-исследовательские изыскания, колонковое, а в 1939 г. и роторное бурение. Позднее эти работы были продолжены Горно-геологическим управлением Главсевморпути. На протяжении 1935–1953 гг. в низовьях Енисея геофизическими методами и колонковым бурением было выделено более 10 положительных структур и пробурено 15 глубоких скважин. Во многих из них был выявлены породы, пропитанные нефтью, а также обнаружены многочисленные газопроявления различной интенсивности. Однако залежей, имеющих промышленное значение, в ходе бурения обнаружить не удалось.

В 1953 г. нефтепоисковые работы Главсевморпути, проводившиеся в районах Крайнего Севера, были

переданы Министерству нефтяной промышленности, которое признало их продолжение нерентабельным. По решению министерства все работы в Усть-Енисейском районе были приостановлены. Несмотря на то, что первые притоки нефти и газа в этом районе удалось получить еще в 1940-е гг., открытие промышленных месторождений в низовьях Енисея было задержано до 1966 г. Одной из причин неудач поисково-разведочных работ в районе Усть-Порта следует назвать отсутствие координации с организациями, проводившими аналогичные работы в других районах Сибири, что многократно усиливалось режимом «жесточайшей секретности», характерной для ГУ СМП.

Несмотря на отрицательные результаты глубокого бурения в Усть-Енисейском районе, в ходе работ был получен фактический материал, существенно уточняющий геологическое строение данного района. Обобщение полученных данных выполнено Гедройцем. При подведении итогов поисково-разведочных работ, проведенных на севере Сибири в 1930–1940-е гг., Гедройц относил к числу выявленных районов с наличием жидкой нефти Нордвикский, Усть-Енисейский и Аргасалинский. Кроме того, он предлагал обратить «серьезное внимание» и на потенциальную нефтеносность района между реками Пур и Оленёк [2, с. 17, 19]. На основании имевшихся в его распоряжении материалов он составил первую карту прогноза нефтеносности Сибири и дал к ней статью с обзором литературы, изложением критериев, принятых при определении перспективности областей, их классификацией и описанием. Перспективы нефтеносности северных районов Сибири Гедройц признал «неопределенными» – с одинаковой степенью вероятности получения на этой территории в ходе дальнейших поисковых работ как положительных, так и отрицательных результатов [8, с. 12].

В 1943 г. по решению Горно-геологического управления Главсевморпути были начаты геологические исследования на территории Ямало-Ненецкого национального округа. Поводом для организации Тазовской экспедиции Института геологии Арктики послужила информация о замеченных местным населением пузырящихся подземных источниках на речках и болотах в бассейне Тазовской губы. Первую нефтепоисковую экспедицию на Ямальском Севере в составе двух поисковых отрядов под руководством В.Н. Сакса и И.П. Лугинца возглавил опытный геолог М.Ф. Данилов. Главной задачей экспедиции было проведение геологических наблюдений с целью обнаружения признаков, прямо или косвенно свидетельствующих о наличии залежей нефти или газа.

В ходе маршрутных исследований, проведенных в районе рек Таз, Пур, Мессо и восточного берега Тазовской губы, Сакс пришел к заключению о наличии в данном месте погребенного хребта меридионального направления, представлявшего собой складчатое сооружение. Поскольку хребет совпадал в основном с направлением течения р. Пур, Сакс записал в своем дневнике: «Погребенный Пуровский хребет?» [9, с. 116]. Позже в отчете о проведенных исследованиях он объяснил наличие сомнений в виде вопросительного знака тем обстоятельством, что в связи с ограничен-

ностью данных о структуре северной части Западной Сибири «выделение Пуровского хребта и соседних с ним впадин еще нуждается в подтверждении». В ходе экспедиции ученому также удалось обнаружить сходство состава пластовых вод на правом берегу р. Таз и в низовьях Енисея, территориальная связь которых с обильными признаками нефти в районе Усть-Порта создавала «известные предпосылки для поисков нефти и в низовьях Таза» [10, с. 63]. На основании полученных результатов Сакс сделал вывод о «безусловно, крайне желательных» нефтепоисковых работах на севере Западно-Сибирской низменности, предложив направить их в пределы намечающихся впадин – Приенисейской, включавшей бассейны Мессо и Таза, и Нижне-Обской, возможно, захватывающей и бассейн Надыма» [11, с. 694–697]. Как отмечают биографы этого выдающегося ученого-геолога, его вывод представлял собой «первый после И.М. Губкина точный и несравненно более детальный прогноз нефтегазоносности значительной части Западно-Сибирской провинции, который впоследствии блестяще подтвердился» [12, с. 150]. Следует заметить, что позже («Пуровский хребет», впервые выделенный Саксом, будет переименован в «погребенный Уренгойский вал» – «родителя» подземного хранилища газа, где геологи откроют Тазовское, Губкинское, несколько Мессояхских, Ямбургское и Самбургское месторождения [9, с. 116–117].

Геологические исследования, проведенные в арктических районах Сибири в 1920–1940-е гг., не дали утвердительного ответа на вопрос о наличии в регионе промышленных запасов нефти и газа. Однако обобщение полученной научной информации позволило определить главные направления и методику поиска на этапе планомерных поисково-разведочных работ, начатых в 1948 г. и завершившихся открытием новой доминирующей нефтегазоносной провинции. Можно согласиться с мнением одного из первооткрывателей сибирской нефти, полагавшего, что «понимание тех успехов, которые получены в 50-х гг., и особенно за последние десять лет» (речь шла о 1960-х гг. – М. К.), немислимо «без этого этапа (30–40-е гг.)» [13, с. 69].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефимкин М.М. Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация. Новосибирск, 2009.
2. Гедройц Н.А. Нефтеносность Советской Арктики по данным на 1949 год. Районирование по перспективам нефтеносности. Л.: М., 1950.
3. Копылов В.Е. Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера) : в 3 кн. Тюмень, 2001. Кн. 2.
4. Архангельский А.Д. Где и как искать новые нефтеносные области в СССР? // Нефтяное хозяйство. 1929. Т. 16, № 6.
5. Шатский Н.С. Проблемы нефтеносности Сибири // Нефтяное хозяйство. 1932. № 9.
6. Геология и нефтегазоносность Енисей-Хатангского прогиба: сб. статей / под ред. Д.С. Сорокова. Л., 1971.
7. Кулахметов Н.Х. К вопросу о северо-восточной границе Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции // Горные ведомости. Тюменский научный журнал. 2006. № 3.
8. Гедройц Н.А. Перспективы нефтеносности севера Сибири (основные итоги работ по обобщению материалов нефтеносности) // Недра Арктики. 1946. № 1.
9. Омельчук А.К. Ее величество Обь (Зов Арктики). Тюмень, 2006.

10. Нефть и газ Тюмени в документах. Свердловск, 1971. Т. 1: 1901–1965.

11. *Сакс В.Н.* Каолины на севере Западно-Сибирской низменности и их значение для познания структуры этой области // Докл. АН СССР. 1945. Т. 48, № 9.

12. *Комгорт М.В.* Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень, 2008.

13. *Васильев В.Г.* Роль академика И.М. Губкина в открытии нефтегазоносных провинций Сибири // Губкинские чтения. 1968. М., 1969.

*Статья поступила
в редакцию 21.11.2011 г.*